

РОЗА АЛЬБЕРОНИ

СКАЛА АЛЬБАТРОСОВ

Перевод
Ирины Константиновой

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2020

УДК 821.131.1
ББК 83(4Ита)
А56

Rosa Giannetta Alberoni
L'ORTO DEL PARADISO

Перевела с итальянского
Ирина Константинова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Марина Кузнецова

Альберони Р. Дж.

А56 Скала альбатросов: [роман] / Роза Джанетта Альберони; [пер. с итал. И. Константиновой]. — СПб.: Аркадия, 2020. — 688 с. — (Серия «Сага»).

ISBN 978-5-907143-46-3

Более двухсот лет назад на берегу крохотного итальянского островка Сан-Домино сельский священник нашел ивовую корзинку с новорожденной девочкой. Спустя годы воспитанница прелата, названная Арианной, стала красавицей «с сияющим взглядом, светлой кожей и с волосами цвета спелой пшеницы». Ее жизнь, наполненная невероятными событиями и страстной любовью, пришлась на годы славы Наполеона Бонапарта, а ее судьба причудливым образом переплелась с судьбой нашей современницы, известной журналистки Серены Видали. Поверить в такую странную связь почти невозможно, однако над ней не властны ни время, ни обстоятельства...

УДК 821.131.1

ББК 84 (4Ита)

ISBN 978-5-907143-46-3

© Rosa Giannetta Alberoni, 1991
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2020

Франко, моей любви, моему супругу

ПРОЛОГ

Двадцать седьмого мая я приехала на Трёмити, что означает «три мифа», отдохнуть после длительной изнурительной работы, чувствуя, что голова у меня буквально раскалывается на части.

Весь последний год я провела в бесконечных разъездах — в самолетах, поездах, машинах, целиком погружившись в работу, не позволяя себе ни минуты отдыха, ни единой остановки, лишь бы заглушить постоянное беспокойство.

Но тщетно. Тревога прорывалась в моих жестах, вынуждала метаться во сне, придавала какой-то безумный, изматывающий ритм всей моей жизни. Беспокойство возникло после того, как Барбара, моя дочь, уехала вместе со своим мужем в Иран. Она тоже, как и я, журналистка, а он — фотограф. Оба освещали события ирано-иракской войны. И целый год до меня доходили от них лишь случайные весточки. То из Тегерана, то из какого-нибудь глухого селения на окраине страны. А вот в последние три месяца — совсем никаких известий.

Я понимала, что этому молчанию могло быть немало причин. Барбара с мужем находились в центре боев, и вполне возможно, что вести оттуда не всегда доходят.

И все же я не могла подавить тревогу, хотя и старалась думать о чем-нибудь другом, пыталась с головой уйти в журналистские расследования, брать интервью и писать, писать, писать...

Но беспокойство постоянно преследовало меня, пока, наконец, я совсем не обессилела. У меня пропал аппетит, стала изменять память. Врачи и друзья советовали отдохнуть. И тогда я оторвалась от телефона, возле которого без конца ожидала звонка, и отправилась путешествовать.

Так я попала на Трёмити.

Это небольшой архипелаг в Адриатическом море — несколько островков, таких маленьких, что на географической карте они выглядят еле заметными точечками. Я и не подозревала о существовании этих крохотных островков, пока не оказалась здесь. Когда собиралась отправиться в отпуск, то, перелистывая рекламные проспекты, невольно восхитилась цветным снимком одного из островов. На вершине невероятно высокой и совершенно отвесной скалы высилась старинная крепость с бастионами, охранявшая величественную церковь

и аббатство, стены которого выложены плитами из серо-розового песчаника. А огромные вертикальные скалы, спускаясь к морю, принимали то охристую окраску, то золотистую, местами розоватую. Эти краски отражались в воде удивительно преображенными — где-то приобретали темно-фиолетовый оттенок или же голубой, а иногда переходили в светло-зеленые, пастельные тона.

Меня невероятно поразила эта картина.

Совершенно необыкновенное место! И почему-то показалось, будто я уже видела все это когда-то. Но как ни старалась, так и не смогла припомнить, где и когда.

Мне сказали, что на соседнем, более лесистом острове, Сан-Домино, находится весьма комфортабельная гостиница. Фасад ее, виднеющийся за соснами, обращен к морю, и до слуха доносится убаюкивающий плеск волн. Шепот воды, пение разнообразных птиц, вскрики чаек — единственные звуки, радующие обитателей островов Тремити.

Два дня наслаждалась я этими звучаниями, необычными и благодетными для меня, постоянно живущей в городе среди множества неприятных шумов. Просто не верилось, что все окружающее — реальность: и уютная гостиница «Кирие»¹, и острова Тремити, и ласкающие звуки, и чудесные краски.

Поначалу я почти все время спала в этом обретенном мною уголке земного рая. Порой просыпалась ночью от сказочной тишины и выходила на террасу, желая убедиться, что мне все это не снится. Опускалась в шезлонг, долго недвижно смотрела на луну в высоком небе и, ежась от прохлады, слушала доносившийся снизу легкий шелест прибоя, который, словно заботливая мать, напоминал, что можно поспать еще. Я чувствовала себя как никогда прекрасно — легко и свободно, в полном согласии с миром. И не уставала мысленно повторять: здесь удивительно хорошо!

Окажись рядом моя дочь, мне ничего больше не нужно было бы на свете. Но когда-то ведь должно произойти чудо, и я смогу обнять ее. Главное — выдержать гнет ожидания, и этот момент наконец наступит.

На третий день ближе к вечеру мне захотелось осмотреть окрестности. Такое желание непременно возникает всякий раз, когда

---

¹ *Kyrie eleison* — «Господи помилуй...» (начальные слова одной из частей мессы и Реквиема) (лат.).

приезжаю на новое место. Мне нравится заглядывать во все уголки, в любую, даже самую неприметную улочку, рассматривать пейзаж или панораму с разных точек, поэтому я попросила Стэфано, моряка, который обслуживал туристов в «Кирие», проехаться со мной по островам.

Стэфано выглядел типичным итальянским южанином — среднего роста, мускулистый, стройный, с правильными чертами лица, идеально прямым носом. Но главное, что невольно привлекало в нем при первой встрече, это огромные черные глаза с необычайно пристальным взглядом. По левой щеке у Стефано проходил свежий и глубокий шрам. Он не портил его молодого лица, пожалуй, даже придавал некоторую мужественность. Стефано было, наверное, лет двадцать пять, может, немного больше.

Он охотно согласился сопровождать меня, поскольку видел, что я проявляю живой интерес к его родной земле. Он гордился тем, что относится к числу немногих обитателей острова, кто появился на свет божий именно здесь.

Мы начали осмотр с острова Сан-Никола. С того самого, где сохранились остатки культуры многих обитателей, населявших его в разные времена. Тут некогда жили греки, римляне, затем отшельники-бенедиктинцы, потом цистерианские и латеранские монахи... Стефано, к моему большому удивлению, знал историю острова ничуть не хуже ученого-специалиста. И рассказывал о ней подобно средневековому поэту. Особенно хорошо знал он аббатство, которое многие века безраздельно властвовало на Адриатическом море. Он уверенно вел меня по внутренним дворикам, монастырским дворам, узким переходам, крутым извилистым улочкам, то и дело обращая мое внимание на красоту пейзажа и архитектуры или на хитрости монахов, построивших обитель и защищавших ее от нападения вражеских войск и пиратов.

Когда добрались до греко-римского некрополя, солнце уже спустилось к горизонту. Самое большое надгробие здесь принадлежало якобы древнему греку — мифическому Диомеду². Мы опустились на траву возле него, и Стефано принялся рассказывать мне легенду

---

² Диомед — в греческой мифологии царь Фракии, соратник Одиссея. Как один из женихов Елены Прекрасной, сражался под Троей, возглавляя ополчение на 80 кораблях. Имя его того же корня, что и итальянское название альбатроса — *diomedea*.

о Диомеде, ставшем гордостью острова. Юноша замечательно описывал подвиги героя. Его слова звучали так взволнованно и ярко, что я словно наяву видела, как высаживается на остров герой в сверкающих доспехах, а за ним следуют его верные воины. Должно быть, я погрузилась в повествование Стефано точно так же, как когда-то в древности внимал в праздничный день речам бродячего поэта какой-нибудь поселянин.

Слушая Стефано, я смотрела на огромный тесаный камень. Что-то загадочное таилось в нем.

Когда мой спутник окончил рассказ, я стала расспрашивать его о расположении могил. Почему некоторые обращены, как надгробие Диомеда, на восток, а другие на запад? Он хотел было ответить мне, как вдруг несколько крупных капель отвлекли наше внимание. Ветер, налетевший внезапно, как это бывает летом в Апулии³, прямо-таки неистовствовал.

Юноша вскочил, с тревогой глядя на небо.

— Надо спешить, — взволнованно проговорил он и, протянув руку, помог мне подняться. — Извините, не заметил, как переменялась погода. Увлёкся своими фантазиями.

— Ничего страшного. Я люблю дождь. В детстве часто бегала под ливнем по улицам, забираясь в каждую лужу, и с радостью вспомню теперь свою детскую забаву.

— Вот увидите, здесь гроза вовсе не шуточки! — торопливо произнес Стефано, с тревогой поглядывая на сгушавшиеся тучи.

Мы бегом пустились к аббатству. Ветер ревел все сильнее и вскоре обрушил на нас крупный град и потоки воды. Безумные раскаты грома буквально сотрясали остров. Возле бастионов нам пришлось замедлить шаг. Узкая дорожка, что вела вдоль них, стала ужасно скользкой. Стефано крепко поддерживал меня за локоть.

Наконец мы добрались до Рыцарской башни, прошли в небольшие ворота и, миновав тесный проход, оказались во дворе в восточной части аббатства, пересекли его и вошли в другой проход, который вывел нас во внутренний дворик. Слева тут высился строгий портик в стиле Возрождения, в центре росло несколько сосен, справа длинный каменный парапет выступал к морю. Отсюда видны

---

³ Апулия — область на юго-востоке Италии, у Адриатического и Ионического морей, административный центр Бари, в которую входят провинции Бари, Бриндизи, Лечче, Таранто, Фоджа.

были острова Сан-Домино и Кретаччо, а справа — Капрара. В глубине двора стоял дом.

Мы остановились на минуту перед портиком, чтобы перевести дыхание.

— Ты прав, гроза тут не шуточки, — смеясь, согласилась я.

— Трети не часто посещает дождь. Однако когда какая-нибудь туча удостоит нас своим вниманием и остановится над островом, дождь хлещет яростно, едва ли не со злобой. Слышите, как завывает море? — спросил он, обращая мое внимание на звуки стихии.

Я прислушалась. И верно, слышно было, как море обрушивает огромные волны на скалистые берега острова.

— Здесь нельзя долго оставаться, можете простудиться. Идемте скорее. Укроемся у Виргилии.

Он взял меня за руку, и мы торопливо прошли под портиком, свернули в какие-то мрачные ворота и оказались в бенедиктинском дворе.

Здесь Стефано остановился возле высокой двери и постучал.

— Виргилия — женщина немного странная, — шепнул он мне. — Колдунья.

Я растерянно посмотрела на юношу, но промолчала.

Дверь не открылась, и Стефано снова постучал, на этот раз громче.

— Сейчас! Иду, иду! — ответил из глубины низкий женский голос.

Вскоре дверь открылась, и в полумраке возник неясный силуэт.

— Чао, Виргилия! — дружелюбно приветствовал ее Стефано. — Укроешь нас от грозы?

Женщина отступила с порога и словно провалилась во тьму.

Мы услышали только, как она произнесла:

— Входите.

Это «входите», сказанное сквозь зубы, прозвучало отнюдь не столь же приветливо, как обращение Стефано. Скорее в приглашении слышалось: «Пошли к черту!» Шагнув внутрь, мы попали в просторную комнату, где сильно пахло какими-то ароматными травами. Молния на мгновение осветила огромный камин, блеснула утварь, висевшая на стене.

— Отключилось электричество, — недовольно проговорила Виргилия, зажигая свечу. — Света, конечно, недостаточно. Надо наладить лампу.

— Я сделаю это, мадам, — с шутливой ноткой в голосе поспешил предложить Стефано и уверенно направился к камину. Взял лампу и стал возиться с ней.

Видно было, что между моряком и Виргилией издавна сложились дружеские отношения. Кто знает, сколько раз он говорил это «мадам», наверное, немного в шутку и в то же время с долей почтительности к этой угрюмой женщине.

— Ну вот, всё в порядке, — удовлетворенно произнес Стефано и поставил на край камина масляную лампу.

Огонек осветил комнату, и я смогла рассмотреть обладательницу сурового и низкого голоса. Виргилия оказалась существом высоким и очень худым. На ней было нечто вроде монашеской рясы, перетянутой широким черным поясом. Длинная шаль, тоже черная, укрывала плечи и спадала почти до пола. Обута в деревянные ярко-красные башмаки. Женщина держалась прямо, и во всем ее облике ощущалась необычайная жизненная сила.

И все же лет ей, видимо, было много! Лицо цвета дубленой кожи покрывала густая сеть морщин, а блеклые, некогда голубые глаза как-то странно блестели. Седые волнистые волосы были собраны на затылке в пучок. В левом ухе сверкало золотое кольцо. В ее манере смотреть на незнакомого человека что-то невольно приводило в замешательство.

— Синьора Серена Видали, — представил меня старухе Стефано, весело улыбаясь.

Колдунья внимательно взглянула на меня. При звуке моего имени ее прозрачные глаза как-то странно сверкнули из-под бровей, а руки судорожно стянули шаль на груди.

— Наша клиентка, — продолжал Стефано, — мы были в некрополе, когда разразилась гроза. Мне неловко беспокоить тебя, но боюсь, как бы синьора не заболела. Она насквозь промокла.

— Тогда чего же ты медлишь и не разводишь огонь? А вы садитесь, — обратилась она ко мне, указывая на потертое кожаное кресло у камина, — сейчас поищу какую-нибудь одежду, и переоденетесь.

Она ушла в соседнюю комнату, которая, видимо, служила ей спальней.

Стефано взял корзину с дровами и принялся складывать шалашик из небольших тоненьких палочек.

Поеживаясь от озноба, я опустила в кресло и обвела комнату взглядом. Несколько старых ржавых ружей висели на дымоходе.

В углу помещались диван, кресло и столик, на котором виднелся графин с какой-то голубоватой жидкостью, и в ней отражался огонек масляной лампы. Золотые и синие отблески вспыхивали там и тут на стеклах шкафов, заполненных книгами. Между шкафами громоздился массивный, почти до самого потолка, дубовый буфет с амфорами и кружками, а также множеством тарелок из сплава свинца и олова. У камина стояли еще два шкафа, заполненных какими-то банками.

Вдруг мяуканье заставило меня заглянуть под стол. Оттуда смотрела на меня кошка с огромными зрачками, горевшими зеленым огнем, — очень красивое животное.

— Синьора, идите сюда, — позвала Виргилия.

Я поднялась и прошла к ней.

— Нашла юбку и свитер, — сказала старуха. — Не бог весть что, но можете переодеться, пока просохнет ваша одежда. Вот! — и указала на кровать, куда положила клетчатую юбку и свитер цвета неспелого яблока. — Несите сюда вашу одежду, повешу сушиться, — добавила она, направляясь к выходу. — Побыстрее, иначе заболеее. — И ушла, закрыв за собой дверь.

Переодеваясь, я осмотрела комнату, едва освещенную свечой. Массивная кровать орехового дерева, трехстворчатый шкаф, комод с зеркалом в позолоченной раме стиля барокко. На одной из тумбочек стояла фотография мужчины в военной форме, а на другой лежали какие-то ветхие, пожелтевшие книги. В комнате ощущался странный запах — вроде бы ладана и еще чего-то, наверное, каких-то трав.

Я быстро переоделась.

Юбка Виргилии оказалась немного велика мне, и свитер тоже. Ощувив тепло и воспрянув духом, я вернулась к камину.

— Если позволите, останусь сегодня в вашей одежде и верну ее завтра. А мою сушить не надо, — сказала я, укладывая рубашку и брюки в свою сумку.

Виргилия словно не слышала моих слов. Она сидела в качалке, держась за ручки, и внимательно смотрела на Стефано. Казалось, от нее исходит некая странная энергия.

Стефано закурил. Я села с другой стороны камина напротив Виргилии. Но она по-прежнему пристально смотрела на Стефано, мне стало неловко, и я принялась ласкать кошку, забравшуюся ко мне на колени.